

Матьяна Сидихменова

ПРИНЦИП ВСЕЕДИНСТВА

В РОМАНЕ СМАГУЛА ЕЛУБАЕВА «ОДИНОКАЯ ЮРТА»

В романе Смагула Елубаева «Одинокая юрта» описывается коллективизация в Казахстане, свидетелем которой автор никак не мог быть, так как родился в 1947 году. Молодость поколения «эпохи застоя», к которому относится автор, следует рассматривать диалектически. Застой был в политике и экономике, в то время как в духовной жизни молодежи шла глубокая и напряженная работа. Ставшая очевидной лживость официальных лозунгов неизбежно порождала стремление к поиску истинных идеалов. Заметно усилился в литературе последней трети XX века интерес к глубоким внутренним процессам душевной жизни человека.

По теории К. Юнга, от неудовлетворенности современностью творческая тоска уводит художника вглубь, в историю, которая способна компенсировать однобокость современного духа. С. Елубаев выбирает историческую ситуацию, когда еще действенно архетипическое ощущение мира, но уже разрывается связь между присутствующей в нас жизнью прошедшего с современной жизнью. Неслучайно пятая глава романа называется «Новая жизнь», а последняя – «Апокалипсис». Перед нами попытка оценить и, может быть, прогнозировать духовный потенциал нации-народа в сложнейший период его истории.

Тема романа коллективизация в Казахстане – смена общественно-экономических отношений, стремительное движение к новому, трагедия человеческого одиночества.

В романе затрагивается целый комплекс мотивов, которые в равной степени близки автору. Основные мотивы романа выражены через архетипы. В первую очередь, это шанырак – символ благополучия в доме, продолжения рода. Шанырак был семейной реликвией, передавался из поколения в поколение. Подробно описывается разорение юрты Мажана. Символично время суток – закат, заливший аул алым светом. Юрта напоминает живое существо: «Оголились гнутые уйки, желтые, не тронутые солнцем и ветром, они – как ребра живого существа» [1, 100.]. Автор уравнивает живое и неживое. Под песню активистов сметаются в кучу уйки-ребра и «шанырак качнулся, верхний, считающийся священным купол юрты» [1, 102]. Вспоминают Бога и грех свидетели крушения. Разрушение очага пусть неуважаемого бая, спасающего бумажные деньги – красные, под цвет заката, тридцатирублевки (30 серебряников Иуды), показано как катастрофа. Юрта

словно трагический герой утверждает своей гибелью вечные ценности. Для остальных жителей становится важным спасти жилье, свою душу. Пахраддин выставляет за двери сундуки с нажитым добром, чтобы сохранить юрту. Охотник Бульш, заключивший в сепаратный мир с воюющими сторонами, далеко в степи ставит одинокую юрту. «Маленькое кочевье из одной юрты» напоминает Ноев ковчег: два верблюда, две лошади, «людей-то, сопровождающих кочевье, тоже двое». Первое, что сказал Бульш жене, выбрав место для жилья: «Шанырак юрту подниму я, а ты все остальное» [1,139].

Но крушение основ уже началось, сапожнику Шарипу снится во сне разрушение его жилища: «И вдруг – вихрь! Раскачал он юрту. Рухнула она. Шанырак, круглый как колесо, покатился в степь. Шарип – за ним. Бежит-бежит, не может нагнать...» [1,239]. Шанырак – колесо истории. В серьезных случаях казах клялся, глядя при этом на шанырак.

Сон пересказан короткими предложениями, как хроника, событие за событием. Стремительный бег времени подчеркнут глаголами, одно перечисление которых может выразить суть происходящего: раскачал – рухнула – покатился – бежит – не нагнать. Перед смертью Пахраддин видит мираж – одинокую юрту: «Марево, голубое-голубое, как озерцо, неведомо откуда в пустыне объявившееся, было, а юрты... юрты не было. Пропала бесследно. Будто земля ее поглотила. Привиделась что ли?» [1,314.]. В конце романа мир предстает как «большая юрта, купол которой слился с небом». Небо становится куполом юрты. Шанырак обретает значение вечности, непреходящей ценности.

Роман начинается с главы «У колодца», с героинями в конце произведения расстается у реки «благословенной Амударьи». Символично ее описание: «Вода ошеломляет, в редких местах она закручивается воронками. Щепки, которыми кидаются мальчишки, кружатся-кружатся на месте и ныряют в пучину. Далеко-далеко, где-то у противоположного берега, лодка» [1,302]. Это река жизни с неизбежной лодкой Харона, с воронками, в которых пропадают люди. Щепкой в потоке чувствует себя потрясенный и беспомощный после собрания бий Пахраддин. Живая подвижность времени запечатлена художником.

Один из мотивов романа выражен образом могилы батыра Барака, «квадратное сооружение с четырьмя ушками по углам на заросшем ковылем кургане», с древним священным саксаулом в изголовье. Барака почитают как героя, отстоявшего в сраженье отчизну. Мимо могилы проходят персонажи романа в переломные моменты своей жизни, веря в помощь предков. Четыре ушка слышат все, что происходит рядом. Около могилы в неравной борьбе гибнет верблюд Шойынкара. Презрев своих предков, назвав могилу «лишь горкой земли», Ждахай проклинает на ней и предков верблюда, которого беспощадно избивает. Пытаясь с корнем вырвать саксаул, чтобы доказать свою, кажется, безграничную власть, Ждахай губит верблюда.

В системе образов героев архетипичен верблюд Шойынкара, черный нар. Это животное почитается в исламе. Верблюд – эмблема Азии и Аравии. Это вьючное животное стало символом трудолюбия, целеустремленности, покорности, покаяния, силы и чувства собственного достоинства. В азиатских странах он олицетворяет царственность, благородство. Поведение сильного и смелого верблюда Шойынкара показывается как человеческое. Только он и конь Хансулу из всего животного мира имеют имена собственные. Более того он «свысока оглядывает

людей», повинуется скрепя зубами. «Презрели их высочество нас», – говорит Бульш про ослушавшегося верблюда. Пахраддин видит «потаенные закоулки верблюжьей души», он знает, что Шойынкара «достоин человеческого обхождения». Персонажи, не видящие в этом животном душу, это Ждахай и Азберген, и к людям относятся, как к скотине. «Ни дать, ни взять бахсы (знахарь, колдун)», – определяет Шойынкару автор, наделяя верблюда высшим пониманием жизни. Взгляд верблюда как у беркута, ноги – «мощные, как саксаульные стволы», имеет «остервенелость леопарда», но сравнение Шойынкары с людьми не в пользу человека. Лаконично и точно С. Елубай показывает противостояние животного и человека: «Лок-лок!» – изверг он из себя опять. Разумное существо должно было понять это так: «Убирайся пока цел!» Но двуногий пренебрег этим предостережением» [1,56]. Идиотом-хозяином видится верблюду Ждахай. Даже смертельный поединок с ним нравственно выигрывает верблюд. Джахай трусливо бежит от умирающего животного. Когда возникает мифологическая ситуация всегда возрастает эмоциональная интенсивность.

Сюжет отражает важный исторический и социальный процесс. Человеческие драмы сплетены с историческими конфликтами эпохи. Главной координатой времени становится история. Основой сюжета является движение времени, события истории. Весь эпос пронизан движением.

Каждый новый эпизод представляет собой встречу героя с историческим временем. Сакральная жизнь аула постоянно прерывается приездами то уполномоченных из центра, то милиции, то внешней необходимостью покинуть налаженный быт. Отправляется разбойничать Азберген, ставит одинокую юрту Бульш, арестован Шеге, как счастливый билет Пахраддин получает бумагу, разрешающую уйти, куда хочет, уносит сына из аула Хансулу. Но не это самое страшное, самое страшное происходит тогда, когда совершается искажение совести. В романе в полном соответствии с исторической действительностью дана расстановка социальных сил, но Елубаев отказался от социальной детерминации личности. По-разному оцениваются два «кулака» Мажан и Пахраддин, два активиста Шеге и Джахай. Действующие лица только в связи с авторскими оценками становятся значимыми и вызывают сопереживание читателей.

В портретных характеристиках обозначается авторское отношение к действующим лицам. Подробно описаны только две женщины – Хансулу и Балкия, именно их дети спасутся за пределами Казахстана, окажутся надеждой на сводное и счастливое будущее народа. Красавица Хансулу тонкая, как тростинка, агатовые глаза, как у маленькой косули, вздернутая по-заячьи губа. Балкия похожа на дикую кошку. Животное начало акцентируется в героях, также как в верблюде Шойынкаре – человеческое. Природа и человек едины. Обеих женщин сопровождает белый цвет. Белая юрта, белое платье Хансулу, белый платок, белый лоб, белая рука Балкии. Белый цвет обозначает мир, тишину, чистоту, целомудрие.

В остальных случаях отобран минимум деталей, необходимых для передачи сущностных черт персонажа. В облике мужчин замечаются отдельные характерные детали: высокий рост Шеге, лохматый Джахай с оспинками на лице, мясистое лицо Азбергена, могучий Бульш, благородная седина Пахраддина, толстый и неловкий Козбагар. Образы мужчин связаны с черным цветом. Особенно ценится черный цвет на мусульманском Востоке. Чернота – украшение юности. Но черны персонажи по-разному. Если молодой и совестливый Шеге черен от загара, то

представители власти Бухарбай и Жекей черны, как после пожара. Обугленные лица, обугленные души. Из героев-мужчин как светлый ангел пронизывает весь текст Ахун, «он бел, как лебедь». Обычно с лебедями сравнивают девушек. Здесь отмечается как бы бесполое, почти неземное бытие Ахуна, знатока истории и молитв, олицетворение духа и совести народа. Когда умирают Пахраддин и его жена, с ветки слетает окончившая свою песню птица, взлетает душа. Ахун – душа своего народа.

Для характеристики своих главных героев писатель часто обращается к сравнениям. «Острый, как лезвие ножа, Шеге и гибкая, как соломинка, Хансулу смотрятся, что ни говори, как солнце и луна» [1,238]. Жену Пахраддина Сыргу называет «райским цветком с небес», звездой, сорванной с неба, чуткой, как лань. Тщательно подбирает писатель пары среди дорогих ему героев, потому что в кошмаре происходящего только любовь поддерживает в них желание жить.

Пахраддин – герой, с которым связана авторская мысль. Как у Льва Толстого в романе «Война и мир» Пьер Безухов передает размышления автора, так Елубаев рассуждает вместе с Пахраддином.

Облик Пахраддина и все, что его окружает, с годами меняется. Из родной степи он оказался изгнанным и пытается понять «за что?». Раньше «шли к нему люди как к объективному началу, мерилу справедливости» [1,191].

Особенно невыносимо мучительны для него раздумья, связанные с безысходным одиночеством, на которое он отныне и навсегда обречен. Пахраддин не ищет виновных, он пытается понять происходящее, но не находит в действиях власти ни смысла, ни логики. Он думает о том, что политика «ветру уподобилась, который сотни раз меняет направление». С ветром он сравнивает историческую катастрофу, когда первый раз покинул аул. По пути в районный центр погибающему от голода и жажды в чужом краю герою видится уже не ветер, а смерч. «Пахраддин не отводил глаз от смерча, завихрившегося свечой в самом центре пустыни; вот он уже и в сторону отклоняется. Ой-хо-ой, тяжело вздыхает Пахраддин, так и жизнь, как этот смерч, покружит-покружит – и уйдет. Обманчивый, призрачный мир». [1,312]. Эти мысли перекликаются со словами самого автора. Писатель сравнивает степь в лихолетье с прокисшим молоком. Надежный ориентир в поиске правды жизни – природа. «Момент истины» всегда природен.

Пахраддин трезво анализирует ситуацию: «Щуки на дерево перебрались, воробьи в соколы подались. Чего было ждать от народа, который Курен и Сур Жекей, Ждахай и Козбагар возглавили? Народ без достойного мужа-правителя не народ, вырождается он. Вырождаются мужчины, соратников достойных не находя. Злополучие пустило корни» [1,317]. Но так и остается открытым вопрос к создателю: «За что?» Роковым, стихийным бедствием обернулась научная теория о всеобщем благоденствии.

Курен и Сур Жекей, Ждахай и Козбагар по-своему интересны автору и читателю. Художник постоянно исследует способность человека бездумно усваивать чужие мнения. Он пристально вглядывается во внутренние стимулы и мотивы поведения, заложенные в человеческом характере едва ли не с рождения. В мире каждого писателя есть особое зло, от которого страдают все герои. В романе это зависть. Лишенные индивидуальности персонажи завидуют тем, кто решает свою жизнь самостоятельно, и мстят. Курен мстит Шеге за то, что тот (а не его сын) стал председателем. Сур Жекей подло и безжалостно мстит своим бывшим

хозяевам. Джахая бесят все, кто чтит нравственный кодекс. Мстят они подло и трусливо. Курен пишет анонимные письма, Сур Жекей, ради удовлетворения собственного самолюбия, целится из пистолета в безоружных, сопровождаемых им людей. Ждахай срывает свою злость на связанном животном.

Влияние Льва Толстого, делящего героев на любимых и нелюбимых, проявилось в использовании способов психологической характеристики. Любимые герои Пахраддин, Шеге, Хансулу, Булыш тесно связаны с народными традициями, нелюбимые Курен, Сур Жекей, Ждахай и Козбагар отрекаются от своих корней, любимые герои «живут жизнью сердца», нелюбимые – расчетом, первые постоянно в развитии, в поиске, в движении, вторые – статичны.

Композиция романа символична. Девять глав как девять кругов ада в «Божественной комедии» Данте. Адам считает последние годы своей жизни Пахраддин. Названия глав точны и лаконичны: «У колодца», «Кочевье на Устюрте», «Непокойное лето», «Аул беженцев», «Новая жизнь», «Смута», «Лихолетье», «В песках», «Апокалипсис». Все обозначают место или изменения, порожденные временем.

Емко отражает содержание эпиграф из народной песни «Елимай»:

С Каратауских предгорий караван приходит,
Каждый раз верблюд один без седока приходит,
Тяжело терять, скажу я, родину и ближних...
Плачу я, и мое сердце горечью исходит...

В этих строках заключается и кочевая жизнь казахов, и верный верблюд, и потеря родины, и слезы о народе, который теряет своих сынов.

Композиционное строение произведения можно назвать монтажным сцены, как кадры в кинофильме, сменяют друг друга. Важным элементом композиции является пейзаж. Поэзия мира воплощена в образе степи, проза в социальном конфликте. Вся энергия автора обращены на две силы – природа и человек. Елубаев показывает величественную силу природы в жизни человека, причастность человека ко всем этим стихиям. Пейзажи метафористичны. Степь, «все больше натягивая на себя черное покрывало, тихо отходит ко сну», и «утомленные путники завалились спать» [1,7]. Безмолвна бескрайняя степь и молчаливы люди, идущие с караваном. Первый разговор на первом свидании между Хансулу и Шеке о красоте мира: «Кругом пески, царство песков. «А красиво в песках, когда луна, да? Ты бродила когда-нибудь по пескам под луной», – спросил Шеге» [1,133]. Пейзаж передает ощущение счастья и покоя сбежавших ото всех Булыша и Балкии: «Желтые гряды, как свежевыпеченные краюхи хлеба, чуть выше – гладь неба, неоглядная, неохватная. Бездонное чистое небо». Так же бездонно чувство героев.

Бесконечно разнообразие природы, знающей истину. Автор рисует летние, осенние, зимние пейзажи, каждый раз находя новые сравнения и краски. Герои не отделяют себя от природы. Пахраддин думает, наблюдая вокруг: «Знакомые глазам кусты баялыша по низинам; изень, полынь, пырей – по песчаным гребням; будто замерли растения, затаились, глядя вслед Пахраддину, уж его- они знают. Так, во всяком случае, Пахраддину кажется, будто кустарники его провожают. А что? Эта земля с ее оврагами и лощинами, с ее многочисленными тропами и

тропками, заросшими пообочь устели-полем, зверобоем, ковылем, покрытыми белесым слоем дорожной пыли, – близка ему; она очевидец его жизни, начиная с самых ранних, детских и юношеских лет» [1,190]. Наполнено смыслом любое мгновение бытия человека, когда человек чувствует свою связь с землей, с другими, с историей. Прозаик тонко чувствует и знает жизнь степи до каждой травинки. Это не только пейзаж и психологический фон. Это самостоятельная стихия, существующая по своим законам красоты, гармонии, свободы. Широкий панорамный охват создает целостный образ страны.

Заметными элементами композиции стали сны героев. Это сны-предчувствия. Курену снится, как ему мстит ограбленный им Мажан, но остальным, Шарипу, Пахрадину, Булышу, снятся юрты.

Роман в высшей степени национален. Национальное своеобразие произведения определяется языком, в котором реконструируются цитаты из казахской национальной культуры, вниманием к проблемам, особо важным для страны, национальным складом мышления. Одновременно роман может восприниматься как явление мировой культуры.

Художественное целое романа построено так, что все жизненные отсеки, – природа, жизнь аула, – взаимопроницаемы. Животные имеют качества людей, а люди животных, степной пейзаж переживает происходящее с людьми, «степь скисает, как молоко», неорганическая материя одушевляется. В имени верблюда – чугун, юрта сравнивается с живым существом. Концепция о. Павла Флоренского утверждает именно такое единство мира, когда все пласты действительности отражаются друг в друге. Исторический роман обретает философское осмысление происходящего. Гармоничному, космическому Всеединству противопоставляется коллективизация, представляющая симулякр. Единение на основе коллективизации обречено на внутренний вакуум. Современность определяется властью симулякра. Безлюдной становится степь, опустошены души. Единство полярно коллективу.

Комплекс архетипов, утверждающих вечные ценности, система образов героев, вселяющая надежду на духовное бессмертие лучших представителей нации, композиция, предполагающая за воротами ада чистилище и восхождение к высшему миру, природа, поддерживающая силы кочующего по степи человека – все это определяет жизнеутверждающий пафос романа.

